

**ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
СЛОВО. СЛОВАРЬ. СЛОВЕСНОСТЬ:
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК ВЧЕРА И СЕГОДНЯ
(К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А.И. ГЕРЦЕНА)**

14–15 ноября 2012 г. в Санкт-Петербурге прошла Всероссийская научная конференция “Слово. Словарь. Словесность: Литературный язык вчера и сегодня (К 200-летию со дня рождения А.И. Герцена)”. Организатором выступил Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (председатель оргкомитета – В.Д. Черняк, зав. кафедрой русского языка, доктор филологических наук, профессор), финансовую поддержку в проведении конференции оказал Российский гуманитарный научный фонд (грант РГНФ № 12-04-14105г).

В работе приняли участие лингвисты из Санкт-Петербурга, Москвы, Новосибирска, Архангельска, Липецка, Великого и Нижнего Новгорода, Череповца, Пскова, Ростова-на-Дону, Екатеринбурга, Перми, Оренбурга, Ставрополя; состоялось около 50 докладов. Кроме того, выпущенный к началу работы конференции сборник статей¹ дал возможность ознакомиться с текстами выступлений ученых, принявших заочное участие (всего более 30 человек).

Программа первого дня, начавшаяся с утреннего пленарного заседания под председательством д.ф.н. В.Д. Черняк и продолженная заседанием секции “Лингвистические аспекты изучения творчества А.И. Герцена”, была полностью посвящена герценовской теме.

В нашем обзоре будут кратко прореферированы только эти доклады – в полном соответствии с посвящением, указанном в названии конференции.

Доклад д.ф.н. С.Г. Ильенко «Пушкинские мотивы и интертекстуальные вкрапления на страницах “Былого и дум” А.И. Герцена» привлек внимание к двум основным вопросам: специфике способа текстовой презентации как показателя особенности осмысления события; составу и функциональной нагрузке пушкинских цитат в “Былом и думах”.

Равнозначные, казалось бы, в плане оценки фрагменты об отношении к Отечественной войне 1812 г. двух выдающихся людей XIX в. имеют важные отличия. Если пушкинский текст представляет собой воплощение эмоционального и интеллектуального *восприятия* события *непосредственного реципиента* (что связано с самыми разнообразными возможностями перцептуальности), то у Герцена текст имеет своим истоком *нарративное пространство чужого слова*.

Эмоционально-нравственные переживания войны 1812 года как источника несчастья, коснувшегося *всех россиян*, у Пушкина выступают в ряде случаев в качестве главного импульса его поведения. С.Г. Ильенко обратила внимание на то, что именно они обладают объяснительной силой при интерпретации отрицательной пушкинской реакции на польское восстание 1830–1831 гг., отношение к которому для мыслящих людей России первой половины XIX века играло роль некоего пробного камня, поставив перед необходимостью выбора: *идея свободы vs. идея государственности*.

Различие в отношении Пушкина и Герцена к восстанию декабристов определяются и причиной художественно-психологической. Пушкин воспринимал декабристов в непосредственном диалоге, Герцен – как предмет изучения. Ценный аргумент в пользу указанной интерпретации – наблюдение над графическими образами: “Пушкин на полях своих рукописей с горечью рисовал повешенных *товарищей*, Герцен на обложке своего издания поместил *медальон* с изображением профилей пяти казненных”.

Для Герцена пушкинские строки – естественное и необходимое слагаемое его богатейшего и лексически ярко индивидуального русского языкового фонда: по данным НКРЯ, на страницах “Былого и дум” фиксируется более 100 случаев цитирования из 30 поэтических произведений. В основном это лишь факт языковой памяти, без особых функциональных задач. При идейно-политических оценках цитирование очень редко. Эстетическая потребность в пушкинских словах (видимо, бессознательная) возникает у Герцена,

¹ “Слово. Словарь. Словесность: (к 200-летию со дня рождения А.И. Герцена)”. Материалы Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена, 14–16 ноября 2012 г. / Отв. ред. В.Д. Черняк. СПб.: САГА, 2012. 408 с.

как правило, при описании сугубо интимных переживаний.

В докладе д.ф.н. К.А. Роговой “Герцен: речевая реализация темы 14 декабря” рассмотрен сам процесс формирования текста. Было показано, что первое обращение к этой теме в “Былом и думах”, представляющее собой полученное подростком сообщение о выстрелах “на Галерной”, состоит из трёх тематических компонентов: восстание, краткое сообщение о котором позволяет осознать широкую информированность общества о событии, – реакция Николая I, изначально получающего резко негативную характеристику, – отношение повествователя к событию: “я не с той стороны, с которой картечь и победы, тюрьмы и цепи”. Развёртывание этих тематических компонентов, поддержанное лексическими повторами, дистантно и линейно расположенными, составляют основные линии повествования всего текста.

Отвечая на вопросы, К.А. Рогова, в качестве черты, представляющей особую ценность для читателя, выделила *искренность* автора, а в качестве важнейшей стилиевой особенности, герценовских текстов – авторский *эгоцентризм*.

Д.ф.н. В.А. Ефремов выступил с докладом «Петербург глазами А.И. Герцена: эссе “Москва и Петербург”». Выраженное в фельетонном жанре отношение к Петербургу представляет интерес двойственностью авторской аксиологической оценки – лингвистически она достигается широким спектром разнообразных средств: это парадокс, оксюморон (*мирные военные занятия*), гиперболизация, приводящая к гротеску (*В Петербурге ...все до такой степени заняты, что даже не живут*), и др. Многократно используются алогизмы (развертывание текста построено по принципу отрицания отрицающего отрицаемого), которые, помимо художественной экспрессии и иронии, выражают и не до конца сформировавшееся отношение к предмету описания. Герцен представляет Петербург парадоксальным местом и продолжает тем самым традицию изображения новой столицы как загадочного, “умышленного” города (Пушкин, Гоголь), черты, характерные для формирующегося в первой половине XIX века “Петербургского текста”. Тот факт, что эссе с самого начала расходилось только в списках и не предназначалось для публикации, позволяет допустить, что в нем гораздо больше личного, чем писательского и сатирического.

В оптимистично преподнесенном – вопреки насыщенному отрицательными оценками текстовому материалу – докладе «“...Богом и св. Софией хранимый град Новгород” (“Былое и

думы”» д.ф.н. В.Г. Дидковской (В. Новгород) была исследована пространственная организация новгородских глав IV части “Былого и дум”. Анализируя лексико-тематическое поле имени Новгород, автор отметил субъективность образа города, которая выражается в том, что “внутреннее”, событийное, включающее мысли и чувства героя (автора), подчиняет себе “внешнее”, материальное, вследствие чего пространство передается “в нефизических формах”, происходит его интериоризация. Город как “место”, как культурно-исторический объект почти неразличим в тексте, его визуально воспринимаемый облик едва намечен.

Из выступления асп. О.С. Ильиной «Образ Московского университета в “Былом и думах” А.И. Герцена» следует, что Московский университет (20–40 годов XIX века) представлен в его книге как учебное заведение и как центр политической жизни. Можно сказать, что Герцен писал главным образом о тех умонастроениях, которые царили в среде студенчества.

Зарисовки-портреты преподавателей в основном нелестны, ироничны. Критически оценивается их стиль и манера ведения занятий. Так, в описании профессора политического отделения Г. Мягкова ключевыми словами оказываются *глупый, грубый, дерзкий, необразованный*. (Герцен, как многие из его современников, не слишком высокого мнения о качестве образования.) Напротив, ключевые слова в описании студенческой жизни: *товарищество, братство, союз, единомышленники*.

Д.ф.н. В.Д. Черняк в докладе «“Риторическая тема” в “Былом и думах”» подчеркнула, что человек нередко остается в истории именно как “человек говорящий”, особенно в тех случаях, когда речь идет о писателях, журналистах, политиках, просветителях.

Анализ размышления Герцена о языке, речевом поведении человека в различных ситуациях, о риторических приемах ораторов показал, что через всю книгу проходит мысль об исключительной роли слова в социальной жизни, а также о связи речевого портрета конкретной личности с ее социальным опытом и историческим предназначением. Это подтверждают многочисленные факты специфического описания (что находит проявление и в номинациях: *матадоры краснбайства, гасконцы революционной фразы*) не только выдающихся ораторов (Белинский, Хомяков и мн.др.), но и обычных людей.

Суждения писателя о языке и речи рассматривались в докладе д.ф.н. Н.А. Николиной и

к.ф.н. М.Р. Шумариной (Москва) “К метаязыковому портрету А.И. Герцена” в него были включены прямые высказывания писателя о языке. Рассматривались особенности индивидуально-авторского стиля, обусловленные метаязыковыми установками писателя; случаи использования метаязыковых суждений как изобразительно-выразительного средства в художественных текстах.

Высказывания Герцена о языке демонстрируют значительное тематическое разнообразие: история русского языка и его функциональные возможности, соотношение языка и мысли, связь языка с общественной жизнью, роль русских писателей (Карамзина, Пушкина, Тургенева) в обогащении языка, влияние цензуры на развитие металогической речи и др. Писатель постоянно подчеркивает активный характер языка, который формируется под значительным влиянием экстралингвистических факторов и должен соответствовать потребностям развивающейся общественной жизни. Отсюда – специфические метаязыковые средства, которыми пользуется и которые создает Герцен: так, эпитеты часто мотивированы метонимическими связями – их внутренняя форма актуализует условия возникновения, формирования конкретного языка, стиля, манеры, речи (*ливрейный язык*).

Взгляды Герцена на русский язык как на тонкий и точный инструмент выражения мысли нашли проекцию в стиле собственных художественных, публицистических и философских сочинений писателя. Его практическая деятельность оказала немалое влияние на становление стилистической нормы русского литературного языка.

В докладе “*“Чужих певцов блуждающие сны...”*” (о некоторых аспектах интертекстуальности в произведении А.И. Герцена “*Былое и думы*”)) к.ф.н. Т.В. Гончаровой (Липецк) проанализировано использование показателей интертекстуальности, в первую очередь прецедентных имен, которые могут выступать в качестве средства идентификации персонажа или самоидентификации автора-повествователя. Одним из способов введения прецедентного имени являются сравнительные обороты и придаточные сравнительные, позволяющие подчеркнуть сходство ситуаций, детализировать типичные черты. Именно благодаря таким интертекстуальным связям текст произведения выступает и “как конденсатор культурной памяти”, и “как генератор новых смыслов” (Ю.М. Лотман).

Употребление политической терминологии в “*Былом и думах*” А.И. Герцена на фоне словарных дефиниций было представлено к.ф.н. И.С. Куликовой и к.ф.н. Д.В. Салминой в докладе “Социаль-

но-политическая терминология середины XIX в.: энциклопедический словарь Ф. Толля и общественно-политический дискурс”.

Отмечено, что словарь Ф. Толля создавался в условиях жесткой политической цензуры (примечательно, что в словаре есть статьи о Белинском, Добролюбова и даже об уже арестованном в это время Чернышевском, однако статьи о Герцене нет), и, тем не менее, он отразил становление социально-политической терминологии на русской почве (см. *партия, политическое преступление, революция, социализм и др.*).

Сравнение словарной статьи с реальным употреблением социально-политического термина, смысл которого неизбежно включает идеологическую и оценочную интерпретацию, убедительно показывает многогранность и вариативность стоящего за ним реального содержания, что выявляет и специфическая синтагматика ключевых для Герцена социально-политических терминов: *равенство, революционер, либеральный* и др. (*полиция свободы, равенства и братства; мозговое равенство; равенство рабства*). Уже минимальный контекст дает возможность не только почувствовать тонкую и одновременно убийственную иронию, но и глубину осмысления Герценом нюансов движения прогрессивной общественной мысли в Европе и в России.

Для описания мотивационного уровня языковой личности к.ф.н. И.Н. Левиной в докладе «Лексикографический потенциал ЛС-моделей и языковая картина мира политика (на материале “*Былого и дум*” А.И. Герцена)» было предложено привлечь модели изъяснительного предложения.

Представление о фрагменте картины мира возникает как совокупность речевых реализаций структур типа “X чувствует 2, что Y” (Ср.: лексико-синтаксическая модель [ЧУВСТВОВАТЬ 2], (ЧТО..)). Существенным оказывается не только набор интенций, фиксируемых предикатом, но и значения переменных. Выявление значимых смыслов обуславливает использование ряда операторов (модусные операторы отрицания, наклонения (ирреальности) и персонализации, по меньшей мере), в том числе связанных с позициями актантов, прежде всего субъектным (я-субъект, не-я-субъект, ноль-субъект). Расширение набора операторов существенно зависит от особенностей языковой личности. Так, для презентации языковой картины мира Герцена, доминантой которой является политика, релевантным оказывается учет особенностей референтов. Ср.: “X чувству-

ет 2, что Y": **Я-субъект:** ...я не с той стороны, с которой картечь и победы, тюрьмы и цепи; ...был в состоянии воткнуть в нее <жену Гервега> нож; **НЕ-Я-субъект: Наполеон:** ...тут <в России> не отделаешься такою шуткою, как в Египте; **большинство французов:** ...победа не по ту сторону Ламанша.

К.ф.н. Л.К. Кузнецова (Псков) в выступлении «Некоторые замечания о диалогемах как синкретических единицах текста в романе А.И. Герцена «Кто виноват?»» обратилась к проблеме определения границ диалогемы – синкретической текстовой структуры, представляющей диалог персонажей в авторском обрамлении (С.Г. Ильенко). Анализ текста показал, что семантика диалогом лимитируется исчерпанностью темы и речевым поведением активного коммуниканта, но полностью зависит от авторской интенции; синтаксическими маркерами границ достаточно часто выступают двусоставные нераспространенные предложения глагольного типа со значением эмоционального состояния, речемыслительной деятельности или перемещения субъекта, а также сложноподчиненные предложения с условно-причинной придаточной частью.

К.ф.н. А.И. Дунев в докладе «Рождение смысла (к названию книги А.И. Герцена)», проследив случаи появления в текстах писателей XX и XXI века крылатого выражения «былое и думы», отметил, что оно обычно включается в ироничные и саркастичные контексты; типичной ситуацией, обуславливающей его использование, является доверительный исповедальный разговор (часто) с незнакомым или малознакомым собеседником.

В докладе ««Новый» А.И. Герцен» А.В. Крейцера было обращено внимание на неоднозначность оценки фигуры Герцена современниками и на крайние расхождения в её восприятии. «Одни стороны мысли и личности А.И. Герцена использовали нигилисты и заострил Ленин. Другие – стали оружием либералов. Герцен отдал свою дань и коммунизму, и либерализму. Ныне мы стоим перед необходимостью искать третью «точку отсчета», резюмировал автор, по мнению которого, такой точкой отсчета может стать ориентация на слова Белинского, определившего суть личности Герцена как «осердеченный ум». Кроме того, привлекающий внимание парадоксальный факт использования художником Н.Н. Ге визуального образа Герцена – человека, большинством современников воспринимаемого исключительно как революционера, – для создания образа Христа в «Тайной вечери», позволяет разрабатывать эту тему и по линии «Христос – Антихрист».

К.ф.н. И.В. Столярова в докладе «Историография и автобиография в «Письмах из Франции и Италии» А.И. Герцена» особо отметила, что писатель говорит о непосредственном восприятии истории в повседневности и сознательно вписывает свою личность в контекст истории.

В докладе к.ф.н. Д.В. Минец (Череповец) «Письмо как вербализация женского опыта: к проблеме лингвогендерного анализа (на материале писем Н.А. Захарьиной к А.И. Герцену 1835–1838 гг.)» были рассмотрены способы формулирования женской идентичности Н.А. Захарьиной: а) концепты замкнутого, тесного пространства; б) когнитивные метафоры статального характера, актуализирующие семантику несвободы как неотъемлемого атрибута женственности; в) общая коммуникативная стратегия сакрализации мужского концепта-персоналии. Концептуальная гендерноролевая парадигма «творец – создание» определяет специфику ролевого статуса Н.А. Захарьиной: она выступает (вопреки роли романтической героини, отведенной ей в автобиографическом тексте самого Герцена) не как объект поклонения и обожания, а как субъект, поклоняющийся своему «предмету влюбленных междометий».

На секционных заседаниях конференции был прочитан ряд докладов, посвященных языку современников Герцена – Пушкина, И.А. Крылова и других, а также писателей XX века и наших современников – Е. Замятина, М. Горького, С. Липкина, Л. Улицкой, З. Прилепина и др.

Конференцию завершил круглый стол, посвященный 90-летию лексиколога д.ф.н. В.В. Степановой, профессора кафедры русского языка Герценовского института / университета в течение многих лет.

Одухотворенное слово С.Г. Ильенко о Вере Васильевне Степановой представляло уникальное и гармоничное соединение жанра юбилейной речи и научного доклада. В выступлениях В.А. Козырева, В.Д. Черняк, Л.П. Плехановой, Е.Е. Котцов, коллег и учеников было подчеркнуто, что В.В. Степанова обладала ценным для преподавателя университета качеством – способностью воспринимать абсолютно новые идеи и желанием знакомить с ними студенческую аудиторию. В свободном диалоге участников круглого стола В.В. Степанова вспоминалась и как креативная языковая личность, оригинальные окказионализмы которой и ставшие крылатыми выражения вошли в речевой обиход преподавателей кафедры.

И.Н. Левина